

УДК 930.1; 1(091)

И. БЕРЛИН О РОМАНТИЗМЕ КАК НАПРАВЛЕНИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ МЫСЛИ

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtphilos/2022.1.188

По мнению Берлина, романтическое движение в Германии, направленное против монизма Просвещения, во многом благодаря влиянию философских воззрений Фихте, стало большим поворотом в европейском сознании, разрушившим основы традиционных установлений и повлиявшим на европейскую мысль. Указывается, что, в отличие от предшествующей традиции, в центре романтического движения находилось прославление множественности, разнообразия как в искусстве, так и в философской мысли. Отмечается, что романтизм имел как положительные последствия (представление о множественности и несоизмеримости ценностей), так и негативные (национализм и фашизм).

Ключевые слова: интеллектуальная история, романтизм, Просвещение, история.

История идей является сравнительно новой отраслью знания, сосредоточенной на исследовании концептов и категорий, дающей возможность изучить аспекты современной мысли с позиции, лежащей на границе между философией и историей. Исая Берлин – один из отцов-основателей данной дисциплины – трактовал идеи достаточно широко, рассматривая их как изменения в широко принимаемых секуляризованных ценностях, целях, концептах, по крайней мере, в границах западной цивилизации [3, р. 207]. Исследования европейской интеллектуальной истории позволило Берлину изучить философские, по своей сути, проблемы, избегая «чистого» аналитического анализа; он использовал исторические способы и методы исследования, но ставил перед собой философские цели [8, р. 91].

Одним из центральных объектов изучения Берлина является дихотомия монизма – плюрализма, единообразия – многообразия, распространенная в западной философской мысли. В берлинской историографии философское господство монизма, простирающееся от платоновской метафизики до просвещенческого материализма XVIII в., закончилось подъемом Контрпросвещения и утверждением, что разнообразие в целом предпочтительнее единообразия. В основе монизма, определявшего западную традицию, лежал следующий тезис: «...на каждый истинный вопрос должен быть один, и только один, верный ответ, все

другие ответы ложны, в противном случае вопросы не могут быть истинными. Если все ответы на социальные, моральные и политические вопросы будут получены, тогда люди будут следовать открытой истине» [1]. Различные толкования привели к значительной дифференциации взглядов и разрушительным войнам, но никто из монистов не сомневался, что на фундаментальные вопросы возможно обнаружить ответы [3, р. 211]. В частности, Платон считал, что правители-мудрецы наделены властью управлять другими, интеллектуально менее одаренными, в силу того, что им доступны правильные решения личных и социальных проблем. Стоики думали, что постижение истинных ответов в силах любого человека, живущего согласно разуму. Рационалисты XVII в. полагали, что ответы могут быть найдены с помощью своего рода метафизической проницательности, особого применения света разума. Эмпирики XVIII в., впечатленные развитием естественных наук, основанных на математических методах, полагали, что исследованные законы в конкретных областях опыта вытекают из более общих законов; а они, в свою очередь, влекут за собой еще более общие законы, и эта последовательность будет расширяться до тех пор, «пока не будет установлена великая стройная система, связанная неразрывными логическими связями и поддающаяся формулировке в математических терминах» [4, р. 34].

Центральной идеей французских просветителей было убеждение в том, что человек находится в гармонии с природой: существует человеческая природа, такая же неизменная, как Ньютоновская вселенная [2, р. 70]. Просвещенческая мысль характеризовалась универсализмом в понимании ценностей и идеалов, которым следует человеческое общество на протяжении всей его истории и которые возможно постичь разумом [6, р. 52]. Подчеркивая исключительный характер Просвещения в борьбе с мракобесием, гнетом, несправедливостью, Берлин тем не менее утверждал, что Эпоха Разума не произвела сейсмического сдвига в основных понятиях и категориях западной традиции, которые являются основным критерием философского и исторического значения. В то же время было бы некорректно рассматривать его как критика Просвещения. С одной стороны, он глубоко симпатизировал духу Просвещения, но с другой – утверждал, что монистические убеждения, вера в одно всеохватывающее благо приводят к тоталитаризму и являются контрпродуктивными [11].

На протяжении всего развития философской мысли Берлин прослеживал следующую тенденцию: неизбежное эмоциональное сопротивление, следующее за волной рационализма. Это произошло в Греции, когда великие сократические школы создали свои великолепные рационалистические системы. Также существовало мощное здание римского права, законно-религиозная система иудаизма, за которыми последовало страстное эмоциональное сопротивление, достигшее своей кульминации и триумфа в христианстве. Схожая реакция возникла в

позднее Средневековье в качестве ответа на великие логические конструкции схоластов. Реакция в Европе XVIII в. на рационализм пришла из Германии. Немецкое восстание против Франции и французского материализма имело как социальные, так и интеллектуальные корни: немцы ощущали себя культурно неполноценными перед лицом их соседей через Рейн, доминировавших в Европе во всех сферах жизни. Немецкая мысль противопоставила французскому просвещению глубокую внутреннюю жизнь духа, самоотверженное стремление к простым, благородным, возвышенным ценностям [4, р. 37].

Начавшееся на территории германских земель восстание против монизма Просвещения стало большим поворотом в европейском сознании с эпохи Реформации, разрушившим основы традиционных установлений и повлиявшим на европейскую мысль [3, р. 209]. Следует отметить, что для Берлина в границах западной традиции существовало только три сдвига в концептуальной структуре философской мысли, во время которых понятия и категории человеческого опыта претерпели революционные изменения: IV в. до н. э., эпоха Возрождения в Италии, XVIII в. в Германии [8].

Контрпросвещенческий немецкий романтизм отличался амбивалентностью. С одной стороны, на первый план был выдвинут творческий индивидуализм, новое представление о ценностях, идея разнообразия – то, что позволяло Берлину оценить романтизм позитивно [9]. С другой стороны, в своих крайних формах данное направление мысли приводило к насилию, национализму, становилось силой зла. Берлин достаточно негативно оценивает романтизм в его крайностях, осуждая прославление анархической свободы, «переносимой диким и мистическим возвеличиванием плоти и духа».

На протяжении всего обсуждения романтизма на страницах многочисленных эссе Берлин акцентировал внимание, что данное течение представляет собой не только трансформацию ценностей, но и разрыв с приверженностью Просвещения разуму и объективности. Тем не менее, как указывает ряд исследователей, романтики по большей части стремились указать на некоторые ограничения Просвещения, разнообразить свет разума, а не погасить его. Другие авторы отмечали, что толкование романтизма как антитезы Просвещения является чрезмерным упрощением [10].

Одним из первых вопросов, который возник при изучении романтизма Берлином, являлось значение данного термина, поскольку попытка дать точное определение столь широкого предмета обсуждения представлялась ему абсурдной. Обсуждая терминологические аспекты, Берлин во многом спорил с позицией А. Лавджоя. Тезис Лавджоя заключался в том, что слово «романтизм» приобрело множество противоположных и несовместимых значений, поэтому единственное, что можно сделать – это рассмотреть значения и их комбинации. Лавджой приводил определения выдающихся авторитетов, в которых романтизм

отождествлялся с юностью, первобытностью и любовью к простой, стихийной и неискушенной жизни; с бледностью, лихорадкой, болезнью и смертью; с волнениями, конфликтами и хаосом; с миром; с экзотикой, таинственностью, тьмой, лунным светом, заколдованными замками, великанами, безымянными ужасами; светом, солнцем, пасторальными идиллиями, видами и звуками здоровой деревенской жизни. Как отмечал Берлин, Лавджой выделил несколько видов романтизма, причем все они весьма различны и, по сути, несовместимы друг с другом, поэтому дифференциация данного термина чрезвычайно затруднена [13]. Тем не менее, Берлин был уверен, что возможно определить центральное ядро значений романтизма.

Основополагающим звеном интерпретации Берлина является признание революционного изменения в концептах и категориях, в терминах которых концептуализируется человеческий опыт, что привело к изменению ландшафта западной традиции, но не является ни благом, ни бедствием [8]. Романтизм произвел революцию ценностей, которая была не менее важной, чем промышленная революция в Англии, политическая во Франции и социально-экономическая в России [7].

В отличие от предшествующей традиции, в центре романтического движения находилось прославление множественности, разнообразия как в искусстве, так и в философской мысли: понятия вечных моделей, платонического видения идеала прекрасного были замещены верой в духовную свободу, личное творчество. Художник, поэт, композитор более не следовал доктрине мимезиса, он создавал не только средства, но и ставил цели, подразумевающие под собой самовыражение собственной уникальности творца, его внутреннего видения мира [6, p. 57–58]. В то же время романтизм, по Берлину, подразумевает признание иррациональных желаний людей, а не рациональные объяснения ученых: «корни романтизма – иррационализм, антирационализм, бессознательные влечения, силы человеческой природы» [7, p. 49].

В литературе наиболее полное выражение идеи романтизма нашли в движении «Буря и натиск», получившим название по одноименной драме Ф.М. Клингера. Работы его участников были полны «криков отчаяния или дикого негодования, титанических взрывов гнева или ненависти, разрушительных страстей, невообразимых преступлений; они прославляли страсть, индивидуальность, силу, гениальность, самовыражение любой ценой, несмотря ни на что, и обычно заканчиваются кровью и преступлениями, единственной формой протеста против общественного строя» [3, p. 219]. В работах ученика Канта, драматурга и поэта Ф. Шиллера, понятие свободы начинает выходить за границы разума. Человек является наиболее возвышенным, когда он сопротивляется давлению природы, когда он демонстрирует моральную независимость относительно законов природы в состоянии эмоционального напряжения. Сама дисгармония, которая может возникнуть между при-

родой и трагическим героем, пробуждает в человеке чувство независимости. Это был явный отрыв от взглядов Ж.-Ж. Руссо, равно как и от Гельвеция и Д. Юма. В более поздних работах Шиллер, как С. Кольридж и И. Гете, пришел в согласие с миром, но возвращался к представлению воли как явного неповиновения природе и условностям. К примеру, при обсуждении Медеи П. Корнеля он писал, что Медея является настоящей трагической героиней, потому что сверхчеловеческой силой воли она бросила вызов силе обстоятельств и природы, сокрушила естественные чувства, но в самом своем преступлении продемонстрировала свободу самонаправленной личности, несмотря на то, что эта свобода была обращена на всецело злые цели [3, р. 222].

Одним из важных вопросов является философское обоснование романтизма. В работе 1965 г. Берлин называл И. Гердера и И. Канта истинными отцами романтизма, но в 1972 г. его позиция изменилась, теперь И.Г. Фихте, вдохновленный Кантом и Гердером, виделся ему родоначальником романтизма [12]. Рассмотрим воззрения каждого из них. Гердер сосредоточился на идее культурных различий и сущности культуры, представляя картину исторического развития, существенным образом отличающуюся от мысли эпохи Просвещения. Стоя на позициях культурного плюрализма, он утверждал, что каждая нация обладает своими традициями, характером, собственным лицом, а подлинным счастьем является развитие собственных национальных потребностей, уникального характера. Следовательно, каждая культура обладает определенными атрибутами, которые следует истолковывать сами по себе, понимать так же, как люди понимают друг друга. Культурные границы являются естественными для людей, проистекающими от их внутренней сущности, окружающей среды и исторического опыта [4, р. 38]. Хотя существует множество общего, основополагающим, по Гердеру, является то, что делает индивидуализацию возможным, т. е. те черты, которые не являются общеразделяемыми – то, что делает немцев немцами, «каким образом они едят и пьют, вершат правосудие, пишут поэзию, поклоняются богу, распоряжаются собственностью... все это имеет определенный общий характер, качественное свойство, образец, который является исключительно немецким, отличающимся от деятельности китайцев или португальцев» [4, р. 39]. Но ни одна из культур не превосходит другую, они различаются, их цели различны, поскольку они проистекают от их специфического характера и ценностей.

Берлин представляет Канта как, с одной стороны, прародителя данного движения, но с другой стороны – противника романтизма, отрицающего его необузданное воображение и эмоциональность. Кант поставил перед собой следующую задачу: дать рациональное объяснение и обоснование методологии естественных наук, которые он справедливо считал главным достижением эпохи. Он был уверен, что свобода воли не иллюзорна, а реальна. Отсюда проистекает огромное значе-

ние, которое он придает автономии человека. «Я» должно быть поднято над естественной необходимостью, поскольку, если люди управляются теми же законами, что и материальный мир, свобода не может быть сохранена, а без свободы не может существовать и морали. Кант настаивал на том, что человека отличает моральная автономия, которая противостоит его физической *гетерономии*, поскольку его тело управляется естественными законами, не исходящими из его собственного внутреннего «Я» [3, р. 216]. В связи с этим поступок имеет моральную ценность только в том случае, если он является продуктом свободного выбора. Для мыслителей XVIII в. природа была по большей части достаточно благожелательной, Госпожой Природой, но для Канта она была либо нейтральной, либо враждебной. Если человек является источником действия и источником творчества, тогда природа будет в лучшем случае веществом, материалом, чем-то, что будет сопротивляться его усилиям. Человеческая сущность, творческие способности, индивидуальность и величие достигают наивысшей точки, когда человек преобразует природу сообразно своей воле, как скульптор свою глину [13].

Настоящая волна романтизма связывается Берлином с деятельностью ученика Канта – Фихте. Фихте пошел дальше, чем любой предшествующий мыслитель в определении мира как воплощения человеческой воли, что подразумевало революционное открытие: ценности не обнаруживаются, как полагали 2000 лет, а создаются. Именно его философские воззрения привели к тому, что Берлин трактовал достаточно негативно: «к дикой анархии и иррационализму, к байроническому самоупоению, культу мрачного отщепенства, зловещему и притягательному. Так возник враг устоявшегося общества, демонический герой, Каин, Манфред, Гяур, Мельмот, способный заплатить за свою гордую независимость любую цену, сколько бы человеческих жизней или людского счастья она ни стоила» [4, р. 58].

Основным понятием философии Фихте являются отношения «Я» и «Не Я», выражающие отношение самосознания ко всякой иной, отличной от него реальности. Человек становится сознательным, являясь тем, кто он есть, не с помощью мысли или созерцания; самосознание возникает из встречи с сопротивлением. Концепт «Я» не является полностью понятным: во-первых, это неэмпирическое «Я», подчиненное причинной необходимости материального мира, а вечный божественный дух за пределами времени и пространства, преходящими эманациями которого являются эмпирические «Я». Во-вторых, Фихте говорил о «мыслящем Я, как правило, отождествляя его с трансцендентным, бесконечным, мировым духом, для которого человеческий индивидуум является простым пространственно-временным, смертным выражением, конечным центром, который черпает свою реальность из духа» [4, р. 42]. Поскольку «Я» не предопределено своей целью, а определяет ее,

то ценности, принципы, моральные и политические цели, не являются объективно данными, не навязываются действующему лицу природой или трансцендентным Богом [3, р. 225–226]. «Я» Фихте – активный творческий принцип, сущностью которого является свобода, навязывающий свою индивидуальность мертвому миру природы, который сопротивляется ему, – подобный принцип противостоит тому, чему учили стоики, томисты, французские материалистические философы, Шефтсбери, Руссо [5, р. 190]. В последующие годы Фихте стал ярким сторонником немецкого национализма. В период, начавшийся в 1805 г., Берлин подчеркивает идентификацию «Я» с «трансцендентальным демиургом, великим творческим духом... затем с человеком в целом, затем с немцами или любой творческой группой или сообществом, только благодаря этому индивидуум может реализовать свое истинное, внутреннее, неутомимое, творческое Я» [12]. Тем самым представление Фихте о человеке как творце, демиурге, навязывающем свою независимую волю мертвой материи, стало выражением и признаком нового революционного отношения, разрушением европейского единства.

Романтическое движение в Германии, во многом благодаря влиянию Фихте, стало мощным толчком к появлению новой революционной системы взглядов, оценок и образных представлений о мире и месте в нём человека. Берлин ясно видел концепцию «воли» центральной в романтизме: хотя Кант, Шиллер и Фихте в определенной степени связывали идеи воли и разума, романтики сводили волю к стремлениям, которые приводят к бесконечному процессу изменений и преобразований, служащему целям людей или наций. Для Ф. Шлегеля, Л. Тика или Новалиса ценности (этические, политические, эстетические) не являлись объективно данными, они создавались творческим человеческим я. Человек в этой связи являлся существом, наделенным не только разумом, но и волей, стремлениями и желаниями.

В романтизме первостепенное значение получила доктрина искусства как свободного творения. Только ремесленники копируют, люди искусства создают. Не говоря об истинности данной доктрины, Берлин указывает, что подобное толкование целей или идей как того, что не обнаруживается, а изобретается, стало доминирующей категорией западной мысли [5, р. 186–187]. Если ценности не являются вечными, а созданными людьми, они будут отличаться от ценностей, созданных в рамках другой культуры, нации или класса. Стало быть, ценности не являются универсальными, они могут конфликтовать и сталкиваться между собой, поэтому утверждение о всеобщем благе, значимом для всего человечества, является ошибочным.

Представления о благородстве и деятельности человека были пересмотрены: теперь человек мог следовать не существующим образцам, а служить собственному внутреннему идеалу и ценностям, неважно, чего это будет стоить. «Идеалу может следовать один единственный чело-

век, которому он открыт, цель может оказаться ложной или абсурдной для других, находиться в конфликте с жизнями и мировоззрением общества, к которому принадлежит человек, но он обязан бороться за нее, и, если нет другого пути, умереть за нее» [5, p. 189]. Подобная модель этики и политики, как отмечал Берлин, существенным образом отделилась от аналогии с естественными науками, теологией, любой иной формой знания. Поэтому фигура профессионального мудреца, человека, который достиг специализированного знания в какой-либо области реальности и может направлять других, вступила в конфликт с образом романтического героя. Герою не нужно быть ни мудрым, ни внутренне гармоничным, ни действенным проводником своего поколения. Стало быть, цель человека стала видеться следующим образом – необходимо во что бы то ни стало воплотить личное видение; худшее преступление состоит в том, чтобы не следовать своей внутренней цели. По сути, на смену просвещенской приходит новая модель человеческой природы, задуманная по аналогии с новой концепцией художественного творчества, более не связанной ни объективными правилами, извлеченными из идеализированной универсальной природы, ни вечными истинами классицизма, ни естественным законом, ни божественным законодателем [4, p. 41].

Здесь, как отмечал Берлин, осуществляется решающий момент в истории европейской мысли: реальность признается не статичной, она является результатом постоянной творческой деятельности, движением самореализации безличной силы творца [13]. Интерпретации подобной модели принимали одновременно безобидные и зловещие формы. С одной стороны, существовал образ Бетховена – грязного, грубого, необразованного, но обладающий одной абсолютной добродетелью, которая превосходит все недостатки. С другой стороны, сходная модель принимала зловещие формы: преклонение перед Наполеоном, почитание воли, господства, лидерства как такового; поклонение сверхчеловеку и фашистским лидерам XX в.

Если ценности не обнаруживаются, но создаются, если истина искусства применяется относительно сферы человеческих отношений, то тогда каждый изобретатель должен стремиться реализовать его собственное изобретение, каждый провидец предлагает свое собственное видение, каждая нация отстаивает свои цели, каждая цивилизация представляет собственные ценности. Все это потенциально приводит к войне всех против всех, концу европейского единства. Сходные вещи, как отмечает Берлин, проявляются и во взаимоотношениях человека с другими людьми: «Если эти цели приходят в состояние противоречия, несравненно лучше, если мы сразимся на дуэли, в которой один из нас может убить другого, или мы оба умрем, нежели чем кто-либо из нас пойдет на компромисс со своими убеждениями... я уважаю гораздо больше за борьбу за идеал, который я ненавижу, чем за любую форму компромисса, примирения, попытки уйти от ответственности перед са-

мим собой». Единственный принцип, который должен свято соблюдаться, – это то, что каждый человек должен быть истинным в его собственных целях, даже ценой разрушения и смерти. Это являлось романтическим идеалом в его наиболее полной и фанатичной форме [5, р. 192].

Как и все революции, романтизм открыл новые истины, но зашел слишком далеко и привел к искажениям, тирании и жертвам. Одним из последствий развития романтизма Берлину видится национализм. Немецкое романтическое движение нигде не было так сильно укоренено, как в восточной Пруссии, полуфеодальной и глубоко традиционалистской. «Неудивительно, поэтому, что наиболее одаренные жители этой области – Гаман, Гердер и Кант – яростно противостояли навязыванию чуждых методов благочестивой французской культуры: немцы, должны стремиться быть самими собой, а не подражать незнакомцам» [3, р. 223]. Только в этом случае могут быть созданы настоящие уникальные культуры, каждая из которых вносит свой особый вклад в человеческую цивилизацию, преследует свои собственные ценности, обладает собственным национальным духом и может процветать только на своей собственной земле.

Негативные последствия имел и новый образ творца, возвышающегося над другими людьми не только своим гением, но его героической готовностью к жизни и смерти ради своего священного видения. Подобная идея была преобразована в концепт наций, классов, меньшинств в их борьбе за свободу любой ценой и приняла более зловещую форму в поклонении вождю, создателю нового социального порядка как произведения искусства. Берлин справедливо осуждал романтизм за утверждение, что жизнь является или может выступать как произведение искусства. Тогда политический лидер будет являться возвышенным художником, который будет формировать людей в соответствии со своим творческим замыслом, «что может привести к нелепостям в теории и жестокости на практике» [3, р. 327]. Как художник смешивает цвета, а композитор – звуки, так и политический демиург «навязывает свою волю своему собственному исходному материалу – человеческим существам... – и превращает их в великолепное произведение искусства: государство или армию, или какую-то великую политическую, военную, религиозную, юридическую структуру» [5, р. 194]. От подобных убеждений до крайнего национализма и фашизма всего лишь небольшой шаг.

В то же время внимание Берлина привлекал романтический гуманизм, в рамках которого признается следующее. Во-первых, создатель ценностей – это человек сам по себе, и поэтому он не может быть убит во имя чего-то более высокого, чем он сам, ибо нет ничего выше; это то, что имел в виду Кант, когда говорил о человеке как о цели в себе, а не о средстве для достижения цели. Во-вторых, институты создаются не только человеком, но и для человека, и когда они ему более не нужны, они должны быть упразднены. В-третьих, люди не должны быть убиты во имя аб-

страстных идей, какими бы возвышенными они ни были (например, такие как прогресс, свобода, социальные институты, поскольку ни один из них не имеет абсолютной ценности сам по себе). В-четвертых, худшим из всех грехов является уничтожение людей ради какой-то прокрустовой схемы, их принуждение ради установлений, которые обладают объективной значимостью и не зависят от человеческих устремлений. Одним из последствий развития подобного вида гуманистического романтизма, в рамках которого утверждается, что люди являются независимыми и свободными, а что сущность человека – это его выбор, является развитие экзистенциализма. Согласно Берлину, экзистенциализм основывается на обращении к внутренним аспектам человеческой жизни. Этот сдвиг не мог бы произойти без трансформации системы ценностей, подразумевающей под собой более глубокий взгляд на внутренние аспекты человеческой жизни и необходимость выбора [5, p. 201].

Другим важным последствием развития романтизма является плюрализм, влекущий за собой представления о множественности, неисчерпаемости, несовершенстве всех человеческих ответов и устройств; представление о том, что ни один ответ, претендующий на совершенство и истинность, будь то в искусстве или в жизни, не может быть в принципе совершенным или истинным. Тем самым романтизм в представлении Берлина является достаточно амбивалентным – за безумным порывом против разума следует признание плюральности идей и терпимости. Результатом романтизма, «страстного, фанатичного, полубезумного учения», является «либерализм, терпимость, порядочность и понимание несовершенства жизни; некоторая степень повышения рационального самопонимания» [7, p. 147].

Итак, по мнению Берлина, романтизм представляет собой нечто большее, чем набор несовместимых описаний Лавджоя. Романтизм предусматривает наличие двух элементов, встречающихся в различных подходах к его определению. Во-первых, представление о целях как созданных людьми, а не обнаруженных. Во-вторых, идея безграничного и бесконечного процесса творения, убеждение в том, что мыслители XVIII в. ошибались, стремясь навязывать четкие схемы и законы развития разнообразию жизни. Возникший в немецких землях как ответ на французское доминирование в политике, философии, культуре, романтизм представляет собой не только трансформацию существующих ценностей, но и разрыв с приверженностью Просвещения разуму и объективности. Если ранее в европейской культуре, философии, политике в течение многих столетий господствовало сознательное обращение к объективным стандартам, наивысшим проявлением которых являлась система неизменных платоновских или христианских паттернов в терминах, то в границах романтизма на смену им приходит революционное суждение: ценности не обнаруживаются, а создаются людьми. На смену эстетической доктрине мимезиса, объединяющей античное, средневеко-

вое и ренессансное искусство, приходит новая модель искусства, подразумевающая отсутствие объективных правил, свободу выражения, независимый характер творчества. На место единообразия приходит разнообразие, опробованные, выверенные правила и традиции сменяются вдохновением, мера – неисчерпаемостью и безграничностью. Наибольшее внимание Берлина привлекает признание плюральности ценностей, впервые прозвучавшей в философии Гердера. Если каждая культура выражает свое собственное видение и имеет право сделать это, если цели и ценности различных обществ и способы жизни являются несоизмеримыми, из этого следует, что не существует единого набора принципов, универсальных истин для всех людей. Ценности одной цивилизации должны отличаться и, возможно, быть несоизмеримыми и несовместимыми с ценностями другой. Вместе с тем, как подчеркивал Берлин, подобное отрицание понятия общечеловеческих ценностей временами носило негативный и разрушительный характер, вселяло в отдельные народы дух национализма и агрессию, за которыми следовали чудовищные нравственные и политические последствия.

Список литературы

1. Берлин И. Мой интеллектуальный путь [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_4/06.htm (дата обращения: 07.10.2020).
2. Berlin I. Alleged Relativism in Eighteenth-Century European thought // *The Crooked Timber of Humanity: Chapters in the History of Ideas*. New-York: Vintage, 1992. P. 70–90.
3. Berlin I. Apotheosis of the Romantic Will: the Revolt against the Myth of an Ideal World // *The Crooked Timber of Humanity: Chapters in the History of Ideas*. New-York: Vintage, 1992. P. 207–237.
4. Berlin I. Decline of Utopian Ideas in the West // *The Crooked Timber of Humanity: Chapters in the History of Ideas*. New-York: Vintage, 1992. P. 20–48.
5. Berlin I. European Unity and Its Vicissitudes // *The Crooked Timber of Humanity: Chapters in the History of Ideas*. New-York: Vintage, 1992. P. 175–206.
6. Berlin I. Giambattista Vico and Cultural History // *The Crooked Timber of Humanity: Chapters in the History of Ideas*. New-York: Vintage, 1992. P. 49–69.
7. Berlin I. *The Roots of Romanticism*. Princeton: Princeton University Press, 2013. 248 p.
8. Bode M. Isaiah Berlin and the Problem of Counter-Enlightenment Liberalism [Electronic resource]. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Isaiah-Berlin-and-the-problem-of-liberalism.-Bode/779bd9d2e09dd1c923199378376f0c262dfd13fb> (accessed: 22.01.2022).
9. Katznelson I. Isaiah Berlin's Modernity // *Social Research*. 1999. Vol. 66, № 4. P. 1079–1101.
10. Millan-Zaibert E. Review of «The Roots of Romanticism» // *Essays in Philosophy*. 2002. Vol. 3.
11. Skagestad P. Collingwood and Berlin: A Comparison [Electronic resource]. URL: <https://www.jstor.org/stable/3654309?read>

now=1&refreqid=excelsior%3Ac269824b93046a385ce3b05bfb18ec10&seq=12#page_scan_tab_content (accessed: 22.01.2022).

12. Sweet P.R. Sir Isaiah Berlin, Fichte, and German Romanticism // German Studies Review. 2000. Vol. 23. № 2. P. 245–256.

13. What Is Romanticism [Electronic resource]. URL: https://www.jstor.org/stable/3822814?read-now=1&refreqid=excelsior%3A9e300c43244b3653605fa15d0cad02c1&seq=1#page_scan_tab_contents (accessed: 12.01.2022).

I. BERLIN ON ROMANTICISM AS A DIRECTION EUROPEAN THOUGHT

V.P. Potamskaya

Tver State Technical University, Tver

According to Berlin, the romantic movement in Germany against the monism of the Enlightenment, largely due to the influence of Fichte's philosophical views, was a major turn in European consciousness, destroying the foundations of traditional institutions and influencing European thought. It is pointed out that, unlike the previous tradition, the glorification of plurality, diversity, both in art and in philosophical thought, was at the center of the romantic movement. It is noted that romanticism had both positive consequences (the idea of the plurality and incommensurability of values) and negative ones (nationalism and fascism).

Keywords: *history of ideas, pluralism of values, political theory, history.*

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – кандидат философских наук, доцент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. SPIN-код: 3657-9312, e-mail: potamskaya.v@yandex.ru

Author information:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna – PhD, Associate Professor of the Department of Media Technologies and Public Relations, Tver State Technical University, Tver. Email: potamskaya.v@yandex.ru